

Raleigh, T.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ПОЛИТИКА

ТОМАСА РАЛЕЯ.

Переводъ съ Англійскаго.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1888.

82265

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ПОЛИТИКА.

Томаса Ралей.

(Переводъ съ 3-го англійскаго изданія).

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Справедливо говорить, что если бы люди точно опредѣляли термины, которые употребляются ими при защитѣ своихъ мнѣній, то множество споровъ тотчасъ же прекратилось бы или совсѣмъ не начиналось.

На слѣдующихъ страницахъ я попытался опредѣлить тѣ термины, которые обыкновенно употребляются въ политической аргументаціи. Эти термины были заимствованы изъ исторіи, изъ этики, изъ политической экономіи и науки права. Элементарныя знанія этихъ наукъ необходимы для общественнаго дѣятеля настолько же, насколько элементарное знаніе физическихъ наукъ необходимо для моряка.

Эта книга не имѣетъ цѣлью быть справочнымъ указателемъ и не есть изложеніе какой-либо абсолютной политической доктрины. Цѣль моя: не удовлетворить стремленія къ знанію, но возбудить его, не дать моимъ читателямъ готовое мнѣніе, но побудить ихъ составить себѣ собственныя.

Оксфордъ, 1886 г.

ГЛАВА I.

Происхожденіе общества.

Первый вопросъ, который намъ представляется относительно общества, есть вопросъ о томъ, какимъ образомъ образовалось

общество, почему люди живутъ вмѣстѣ и когда они начали жить такъ?

Человѣкъ весьма общественное животное: на него легко дѣйствуетъ симпатія, онъ ищетъ симпатіи и предпочитаетъ общество одиночеству; онъ любитъ другихъ людей, уживается съ ними и хочетъ, чтобы его любили, съ нимъ уживались. Но если бы этотъ социальный импульсъ былъ и слабѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, то и въ такомъ случаѣ люди все-таки поощрялись бы къ социальной совместной жизни простою необходимостью, такъ какъ нѣтъ существа болѣе безпомощнаго и менѣе способнаго просуществовать одиноко, чѣмъ человѣкъ. И такъ, видя, что существованіе общества естественно и необходимо, мы должны допустить, что общество существовало съ того времени, какъ только появился человѣкъ на нашей планетѣ. Таково въ самомъ дѣлѣ свидѣтельство исторіи. Кое-гдѣ иногда существовали отдѣльныя семейства независимо отъ остальныхъ людей. Но общее правило таково, что люди живутъ и всегда жили въ социальныхъ группахъ.

Теорія социального договора.

Высказанное мнѣніе о происхожденіи общества прямо противоположно съ теоріей, которая играетъ значительную роль въ европейской и американской политикѣ. Въ XVII—XVIII столѣтіяхъ начались разсужденія о политическихъ вопросахъ, и при этомъ мало вниманія было обращено на историческія данныя. Вмѣсто того, чтобы собирать факты, указывающіе на состояніе первобытнаго человѣка, остроумные писатели въ своихъ кабинетахъ доказывали къ собственному удовольствію, что общество могло или должно было произойти особеннымъ образомъ.

Главнымъ результатомъ такихъ измышленийъ была теорія «общественнаго договора», которую вкратцѣ можно изложить слѣдующимъ образомъ: «Въ началѣ люди жили въ одиночествѣ или малыми группами. Человѣкъ по природѣ былъ добрѣ. Его потребности были не велики и легко удовлетворялись. Онъ не зналъ нужды во власти и не боялся насилія. Съ теченіемъ времени люди начали образовывать болѣе обширныя группы; тогда они заключили договоръ, по которому каждый долженъ былъ пользоваться защитой всѣхъ и за то долженъ былъ подчиниться общей волѣ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя имѣютъ общее значеніе. Когда такой договоръ былъ составленъ, эгои-

стичные люди начали пользоваться имъ для того, чтобы увеличить свои богатства и свою власть. Они же выдумали соотвѣтственные религіозныя и политическія ученія, чтобы оправдать свои стремленія. Таково-де было происхожденіе роскоши, бѣдности, власти, свѣтской и духовной, и всѣхъ тѣхъ золь, которыми страдаетъ цивилизованное человѣчество. Эти злоупотребленія не исчезнуть, если мы не вернемся къ естественному состоянію и не возвратимъ человѣку тѣхъ правъ, которыми онъ пользовался прежде, чѣмъ образовались общества».

Эта теорія кажется заманчивою, когда излагается такимъ мастеромъ въ стидистикѣ, каковъ Руссо. Однако, каждое ея слово противорѣчитъ фактамъ. Человѣкъ отъ природы не добръ¹⁾. Можно, напротивъ, сказать почти совершенно противоположное: въ немъ существуютъ различныя стремленія, требующія дисциплины и воспитанія, чтобы сдѣлаться хорошими. Воображаемый золотой вѣкъ, когда люди жили въ мирѣ и изобиліи, есть чистая фикція. Исторія первобытнаго человѣка представляетъ намъ рядъ битвъ и жестокостей. Что касается социальнаго договора, то нѣтъ ни одного указанія на то, что подобный договоръ когда-либо имѣлъ мѣсто. Напротивъ, мы знаемъ, что онъ никогда не могъ имѣть мѣста въ томъ видѣ, какъ описывается, ибо всякая мысль объ обязательномъ соглашеніи по существу чужда первобытному человѣку. Не смотря на явное противорѣчіе съ исторіей, эта теорія пользовалась общимъ распространеніемъ особенно между либеральными политиками. Народу, охваченному духомъ реформъ, пріятно слышать, что злоупотребленія, на которыя онъ жалуется, происходятъ отъ неправильныхъ законовъ, а что эти законы основаны на простомъ соглашеніи, которое можетъ быть измѣнено или уничтожено. Весьма замѣчательно также встрѣчающееся въ этой теоріи слово «природа». Строго говоря, природа—это ничто иное, какъ сумма существующихъ явленій и силъ, но для тогдашняго ума природа нѣчто въ родѣ божества, или «власти, намъ посторонней,

¹⁾ Совершенно соглашаясь съ авторомъ относительно ложности теоріи общественнаго договора, мы не можемъ не замѣтить, что, тѣмъ не менѣе, мысль о первобытной добротѣ человѣка подтверждается фактами тамъ, гдѣ человѣкъ не извращенъ войнами. Такъ, въ «Соціологіи» Спенсера указывается на горныя племена Индіи, не знавшія войны и сохранившіяся, такъ сказать, въ райскомъ состояніи. Источникомъ же организовавшихся іерархически обществъ были, по Спенсеру, война и необходимость дружнаго организованнаго отпора.

стремящейся къ справедливости»; это—абстракція, не особенно нуждающаяся въ нашемъ почетѣ, но, однако, представляетъ реальность, которую мы должны уважать и которой приходится повиноваться. Перенесите на «природу» свойства справедливости и всеблагости, которыя приписывали Богу, и вы имѣете вѣру либераловъ XVIII-го столѣтія.

Однако, гораздо лучше отличать дѣйствительно существующее отъ того, что является лишь идеаломъ. Говоря о природѣ, мы говоримъ о людяхъ и предметахъ, какъ они есть въ дѣйствительности, а не какими должны бы быть. Для человѣка, каковъ онъ есть, общество и естественно, и необходимо.

ГЛАВА II.

Первобытное общество.

Нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, общество, существовавшее у нашихъ предковъ, было во многихъ отношеніяхъ сходно съ тѣми, которыя въ настоящее время существуютъ у наиболѣе отсталыхъ расъ человѣчества. Чтобы понимать тѣ учрежденія, которыя существуютъ въ настоящее время, мы должны обратить вниманіе на характеристическія черты первобытной жизни.

Обычай.

Цивилизованное общество старается руководиться законами, которые поддерживаются, потому что считаются справедливыми и удобными. Первобытное общество руководилось обычаями, которые поддерживались просто потому, что они были привычны. Происхожденіе обычаевъ иногда приписывалось божественному существу или какому-нибудь почитаемому предку или просто случаю. Но разъ обычай установился, люди предполагаютъ, что онъ установился навсегда—«неизмѣнные законы мидянъ и персовъ были обычнымъ правомъ».

Сила обычая имѣетъ своимъ источникомъ отчасти ихъ родовое (племенное) чувство. Всѣ первобытныя общины считали своихъ членовъ принадлежащими къ одному семейству. Такъ, напр., евреи считали себя «сынами Израиля», хотя, конечно, многіе изъ нихъ не происходили отъ Іакова. Всякое «чадо Авраама» было обязано соблюдать обычаи своихъ предковъ. Въ

первобытное время религія и родовое чувство тѣсно связаны другъ съ другомъ. Всякое нарушеніе обычая есть оскорбленіе племенныхъ боговъ и потому должно строго быть наказываемо. Это отчасти объясняетъ строгость древнихъ обычныхъ кодексовъ:

«Согрѣшившая душа должна умереть»,

а всякое серьезное нарушеніе обычая считалось грѣхомъ.

Существованіе первобытнаго рода зависитъ отъ его способности образовать систему обычаевъ, достаточно сильную для того, чтобы связывать общину въ одно цѣлое и защищать ее противъ нападеній враговъ и произвола собственныхъ членовъ. Когда эта трудность превзойдена, законы, пріобрѣтенныя тягостной дисциплиной считаются священными, и религіозно охраняются. Первобытные народы не признаютъ за человѣкомъ права критики закона, подъ которымъ онъ родился. Даже между цивилизованными народами старые обычаи переживаютъ и составляютъ общепринятую основу закона и политики. Многіе изъ нашихъ законовъ основаны на обычаяхъ, которые существовали много вѣковъ тому назадъ между всѣми семействами арійской вѣтви, къ которой мы принадлежимъ.

Хотя предполагается, что обычаи неизмѣнны, однако, они постоянно видоизмѣняются подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ и новыхъ идей. Если вы прослѣдите древнѣйшую исторію какого-нибудь учрежденія, напр., брака или собственности, то она представляетъ исторію развитія этого учрежденія. Въ теченіи періода обычая или обычного права это развитіе бессознательно; въ теченіи періода законодательнаго дѣйствуютъ одновременно и сознательные, и бессознательные процессы перемѣны.

Развитіе социальныхъ группъ.

Цивилизованное общество весьма высоко ставитъ права отдѣльнаго человѣка. Въ первобытное время человѣкъ, какъ таковой, не имѣлъ никакихъ правъ. Люди дѣлились на большія группы, каждая изъ которыхъ связывалась истинною или ложною общностью происхожденія ея членовъ (единство крови). Если чужой приходилъ въ такую общину и желалъ присоединиться къ ней, онъ подпадалъ всецѣло подъ власть группы: она могла убить его или сдѣлать своимъ рабомъ или же могла принять его и, такимъ образомъ, сдѣлать полноправнымъ членомъ общества. Всякое лицо, родившееся или усыновленное кланомъ,

обязано было подчиняться его обычаямъ. Если кто нарушалъ обычай онъ наказывался народомъ или патриархальнымъ главою, представителемъ власти истиннаго или мнѣческаго предка группы. Очевидно, что въ цивилизаціи не могъ быть сдѣланъ большой шагъ впередъ до тѣхъ поръ, пока не была нарушена прочная сила консерватизма, такой формы общества. И въ самомъ дѣлѣ, въ арійской расѣ она пала подъ вліяніемъ разныхъ причинъ.

По мѣрѣ того, какъ жизнь становится болѣе осѣдлою, общество, естественно, болѣе опредѣляется единствомъ мѣста поселенія, чѣмъ племеннымъ единствомъ. Если кочующее племя дѣлается осѣдлымъ и образуется осѣдая община, то общности имени и происхожденія (крови) постепенно уступаютъ мѣсто, по своей важности, общности домашней жизни и промышленной дѣятельности. Кочующія племена всегда въ борьбѣ между собою, но осѣдлыя общины могутъ жить въ мирѣ и даже соединяться въ болѣе обширныя общины. Повидимому, такое сліяніе нѣсколькихъ общинъ и было причиной происхожденія Рима.

Съ другой стороны, по мѣрѣ увеличенія богатства и комфорта, начинаетъ проявляться семейная жизнь, какъ нѣчто, отличающееся отъ соціальной жизни. Нѣтъ уже болѣе необходимости ежедневно находиться въ общеніи съ цѣлымъ племенемъ. У каждого индивидуума являются случаи, когда ему приходится и считать себя и своихъ дѣтей, и приобрѣтать собственность, независимо отъ общаго ствола.

Власть избранныхъ вождей, или наслѣдственныхъ жрецовъ, или правителей содѣйствуетъ уничтоженію племенной связи. Въ мирное время вождь заботится объ обработкѣ земли и наблюдаетъ за домашнимъ скотомъ, для чего принимаетъ въ общину чужихъ, которые селятся на территоріи общины. Во время войны онъ образуетъ сильныя группы избранныхъ воиновъ, которыя со временемъ составляютъ аристократію, каково бы ни было ихъ происхожденіе и наслѣдственное положеніе въ племени. Если вождь распространяетъ свою власть на многія племена, онъ становится царемъ или королемъ; сфера правительственная (управленія) расширяется и наступаетъ возможность начала національной жизни.

Происхожденіе политической власти.

Разсмотрѣвъ первобытное общество, мы открываемъ происхожденіе почти всѣхъ важныхъ современныхъ политическихъ

учрежденій. Монархическая власть происходит изъ подчиненія вождю въ военное время, а также изъ уваженія къ главѣ племени, какъ представляющему общаго предка группы. Аристократія происходитъ отъ того значенія, которое приписывается крови (происхожденію), отъ уваженія, оказываемаго семействамъ, составляющимъ прямыхъ потомковъ общаго предка. Затѣмъ мы видѣли, какимъ образомъ вожди, съ развитіемъ своей власти, могли образовать аристократію личныхъ заслугъ.

Первобытное общество представляетъ также нѣкоторыя демократическія черты. Въ народномъ собраніи вождь только председательствуетъ; менѣе важные главы и старики говорятъ; народъ стоитъ, слушаетъ и высказываетъ одобреніе тому, что принято.

Мы должны помнить, что первобытныя общины ничего не знаютъ о раздѣленіи власти, которое присуще современному обществу. Вожди обыкновенно часто и военачальники, и судьи, и жрецы. Государство, церковь и семейство составляютъ одно и то же и каждый членъ общины исполняетъ свои обязанности въ войскѣ, на вѣщѣ и въ общемъ богуслуженіи.

Происхожденіе собственности.

Мы можемъ сказать, что личная собственность имѣетъ свое начало въ необходимости. Движимое имущество естественно принадлежитъ тому лицу, которое имѣетъ силу и искусство для приобрѣтенія его посредствомъ завоеванія, торговли или обмѣна.

Но богатство первоначальныхъ обществъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ землѣ, а земля въ началѣ не составляетъ личной собственности. Каждый членъ клана имѣетъ право на обработку нѣкотораго участка общей земли, и право это охраняется обычаемъ общей обработки и періодическихъ передѣловъ. Такое устройство имѣетъ одно весьма важное преимущество. Если община расположилась на плодородной почвѣ, система общаго права на землю приводитъ къ сносному среднему благосостоянію общины, но въ томъ случаѣ, когда, при обработкѣ почвы, требуется побѣдить какія-либо естественныя препятствія, то эта система падаетъ, быть можетъ, потому, что она не заставляетъ человѣка употреблять всѣхъ своихъ силъ, что приходится ему дѣлать, когда онъ предоставленъ исключительно

своимъ собственнымъ силамъ ¹⁾). Общинное землевладѣніе и періодическіе передѣлы невыгодны для земледѣльческихъ усовершенствованій и потому въ странахъ, подобныхъ Англіи, оно должно было уступить мѣсто системѣ постоянной собственности на землю ²⁾). Безъ сомнѣнія, въ переходную эпоху сильные часто пользовались слабостью другихъ для собственного обогащенія. Но установленіе правъ собственности на землю составляло важный шагъ впередъ для освобожденія промышленности отъ нерациональныхъ обычаевъ и низшихъ способовъ производства.

Нерѣдко говорятъ сентиментально о первобытныхъ обществахъ, какъ будто въ нихъ было болѣе согласія и менѣе эгоизма, чѣмъ въ современномъ обществѣ. Но это не такъ. Напримѣръ, право общиннаго землевладѣнія существовало не потому, что люди были просвѣщеннѣе и менѣе эгоистичны, а потому, что они были безсильны доставить себѣ пропитаніе независимо отъ клана или общины. И общее право подвергалось уравниванію противоположныхъ интересовъ не безъ споровъ и раздоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ первобытныхъ обществахъ сильно развито чувство единства (соціальное чувство). Но оно принадлежитъ къ сорту безсознательныхъ чувствъ. Каждый человѣкъ инстинктивно соединяется со своимъ сосѣдомъ для взаимной помощи. Въ цивилизованномъ обществѣ каждый человѣкъ имѣетъ возможность посвящать себя сознательно и разумно на служеніе людямъ.

ГЛАВА III.

Цивилизація.

Первобытное общество дало много замѣчательныхъ людей и высокихъ типовъ промышленной и политической жизни. Напр., въ Египтѣ уже весьма давно существовало много мѣстныхъ

¹⁾ Авторъ забываетъ тутъ то, что утверждалъ въ началѣ, а именно, что отдѣльный человѣкъ совершенно безсильнъ передъ природой. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе препятствій является въ почвѣ, тѣмъ важнѣе кооперація, — е. сотрудничество всѣхъ. И первобытное общинное владѣніе, какъ показываетъ исторія, исчезало всюду совсѣмъ по другимъ причинамъ. Ред.

²⁾ Англія-то лучше всего и доказываетъ невѣрность этого взгляда: съ наступленіемъ въ ней періода буржуазно-промышленнаго, тысячи земледѣльцевъ были прогнаны съ мѣстъ, обратившихся въ пастбища овецъ, шерсть кото-

общинъ, которыя производили обширныя богатства и были собраны въ одно государство, управлявшееся могучими царями,— государство, въ которомъ обязанность священнослужителей исполнялась учеными жрецами. Но, не смотря на всё эти преимущества, состояніе египетскаго общества не было удовлетворительно. Правительство было гнетущимъ, жрецы проповѣдовали множество нелѣпныхъ и ложныхъ ученій; народъ былъ грубъ, невѣжественъ, не предусмотрителенъ и часто страдалъ отъ большаго недостатка пищи. Египетскіе мудрецы никогда и не думали устранить это зло, они никогда не помышляли о возможности соціального прогресса. Поэтому можно сказать, что едва-ли цивилизація началась въ первобытномъ обществѣ, даже въ самой совершенной его формѣ.

Греческая политика.

Греки получили первое свое просвѣщеніе по литературѣ, искусству и наукѣ отъ египтянъ. Но во всё эти отрасли знанія и мысли они внесли свой собственный элементъ. Они были любознательны, смыслены и разсудительнѣе всѣхъ другихъ расъ и не могли успокоиться прежде-чѣмъ не приложили свободный умъ человѣка ко всѣмъ вопросамъ, интересующимъ человѣчество.

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, чего они достигли въ искусствѣ и философіи; рассмотримъ вкратцѣ только то, чего достигли они въ политикѣ.

Когда греки поселились въ Европѣ, они были раздѣлены на мѣстныя общины, организованныя по первобытному способу на роды или трибы. Въ исторіи грековъ, а въ особенности афинянъ, мы можемъ прослѣдить, какъ постепенно родовое начало уступало мѣстному началу въ области управленія, и какимъ образомъ мѣстныя общины развивались въ города—новый общественный типъ, болѣе высокій, чѣмъ все то, что существовало раньше. Греческіе города составляли настоящее государ-

рыхъ была нужна для фабрикъ. А сколько земли занято парками, назначенными исключительно для охоты? Развѣ Англія стала страной земледѣльской отъ своей системы крупнаго землевладѣнія? Наоборотъ, только общинное владѣніе, какъ, напр., у насъ, въ Россіи, должно, при достаточномъ просвѣщеніи народа, создать солидныя улучшенія въ хозяйствѣ, требующія большихъ соединенныхъ усилій.

Ред.

ство въ современномъ смыслѣ этого слова. Это было общество, въ которомъ и дипломатія, и ораторское искусство, и администрація находились въ цвѣтущемъ состояніи. Общество переходило отъ состоянія безсознательнаго развитія къ сознательному, направленному къ осуществленію свободы и равноправности.

Аѳиняне въ періодъ наибольшей своей славы могутъ считаться выразителями всего, что было наиболѣе совершеннымъ въ греческихъ политическихъ идеяхъ. Но если мы обратимся къ сочиненіямъ историковъ и политиковъ, мы найдемъ, что они не считаютъ состояніе своего общества желательнымъ.

Философовъ всегда занималъ вопросъ о томъ, что такое добродѣтель и какъ ей можно научиться? Они считали эти вопросы необходимыми и настоятельными для общества. Они чувствовали, что соотечественники ихъ много думали о свободѣ и слишкомъ мало о воспитаніи, и они проповѣдывали, что общество въ этомъ настроеніи должно пасть подъ могущественную власть какой-нибудь націи, можетъ быть менѣе культивированной, но за то болѣе дисциплинированной, чѣмъ они сами. Македоняне, а впослѣдствіи римляне доказали справедливость этихъ предвидѣній.

Теперь мы можемъ видѣть яснѣе даже, чѣмъ греческіе философы, тѣ пункты, которые погубили греческое общество, по недостатку высшихъ нравственныхъ критеріумовъ. Во-первыхъ, греки не были достаточно гуманны. Они признавали право свободы только за высшими классами общества, которые одни могли быть гражданами греческихъ государствъ. Такъ, напр., аѳинянь считалось всего 20,000 гражданъ, которые имѣли свободное время для исполненія общественныхъ обязанностей, потому что всѣ тяжести труда были ввалены на громадное число рабовъ. Даже мудрейшіе изъ нихъ и не предполагали, что цивилизація возможна безъ рабства. На недостатокъ гуманности указываетъ также низкое положеніе, которое въ греческомъ обществѣ занимали вообще женщины.

Съ другой стороны, грекамъ не доставало того, что мы можемъ назвать добродѣтями самоограниченія: терпѣнія, самоотверженія и духа соглашенія и терпимости. Вслѣдствіе эгоизма происходила въ городахъ борьба партій между богатыми и бѣдными, «благородными и неблагородными», друзьями аѳинянь и друзьями Спарты. Для того, чтобы доставить побѣду своей партіи всѣ средства считались законными—убійства, из-

мѣна, призывъ чужеземныхъ войскъ на помощь противъ политическихъ враговъ. Вредныя слѣдствія партійнаго духа существовали наравнѣ со многими прекрасными нравственными качествами. Въ греческомъ обществѣ человѣческая природа впервые получила свободу развернуться, и она развернулась могучимъ образомъ какъ въ хорошую, такъ и дурную сторону.

Римское право.

Римляне не были выдающимся народомъ. Они сдѣлали очень мало въ искусствѣ и философiи; но они вполнѣ владѣли тѣми практическими добродѣтелями которыхъ недоставало грекамъ. Они были терпѣливы и методичны, любили вести всему счетъ и записывать, остроумно примиряли различные интересы и придумывали правовыя формы. Греки преслѣдовали идеаль свободы и равноправности, забывая о власти и дисциплинѣ. Хотя римляне крѣпко держались власти какъ въ семействѣ, такъ и въ государствѣ, но они очень охотно уступали права всякаго рода лицамъ, имъ подвластнымъ. Они позволяли своимъ рабамъ, дѣтямъ и женамъ приобретать извѣстныя права собственности и когда имъ пришлось имѣть дѣло съ иными государствами и народами, они признали также за ними нѣкоторую равноправность, распространяя права римскаго гражданства на своихъ союзниковъ и подвластныхъ народовъ съ постоянно возростающей легкостью. Покореніе кого-либо аеинянами вело за собою обложеніе данью и подчиненіе государства системѣ ненавистнаго побѣдителя. Покореніе же римлянами вело за собою участіе въ выгодахъ и славѣ согражданства въ наиболѣе могущественнѣйшемъ государствѣ міра. Эта политика господствующаго Рима отчасти вытекала изъ разумнаго эгоизма, отчасти изъ высшихъ мотивовъ. Съ инстинктомъ господствующей расы римляне изучали законы тѣхъ народовъ, на которыхъ распространили свое вліяніе, и во всѣхъ нихъ они находили общій элементъ справедливости и общей пользы. Это «право націй», какъ они называли, было великою идеей, которая содѣйствовала расширенію кругозора юристовъ и государственныхъ людей. Когда римляне стали изучать греческую философiю, они ознакомились съ понятіемъ о «естественномъ правѣ», еще болѣе обширнымъ по объему, чѣмъ даже «законъ націй». Это послѣднее основаніе, съ которымъ мудрѣйшіе изъ римлянъ старались сообразоваться и сообразовать законы, издаваемые ими: и они

преслѣдовали свои идеалы, не забывая стараго римскаго духа дисциплины. Подчиняя одну за другою различныя страны своей власти, они на раціональныхъ началахъ развили также и ихъ законы, уничтожили ненужныя стѣсненія и создавали новыя правила, соотвѣтствовавшія потребностямъ дѣловаго сообщества.

Но, подобно грекамъ, и у римлянъ не доставало разрѣшенія вопроса, какимъ образомъ средній человѣкъ можетъ научиться добродѣтели? «Естественное право» служить тѣмъ, кто уже направился къ самообразованію и разумному поведенію, но оно не можетъ удержатъ обыкновенныхъ людей отъ недобросовѣстности, развращенности и жестокости. Римское общество во времена Августа было полно грубыхъ пороковъ и предразсудковъ, были люди, которые полагали, что порокъ преобладалъ надъ добродѣтелью и что цивилизація была куплена слишкомъ дорогою цѣной.

«Лучше, говорили сатирики,—вернуться къ прежнимъ временамъ республики, когда бѣдность ограничивала зло болѣе узкими предѣлами.

Христіанство.

Христіанская церковь въ первоначальномъ видѣ представляла общество людей, объединенныхъ общою вѣрой въ Христа, надеждой на пришествіе Его, любовью къ Нему и другъ къ другу. Это было совершенно добровольное общество, и сперва оно не имѣло политическаго значенія. Въ «Новомъ Завѣтѣ» ничто не указываетъ, чтобы христіане, какъ таковые, намѣревались исправить общественное зло (въ тѣсномъ смыслѣ) или дать новый типъ цивилизаціи. Они стояли далеко отъ золъ мірскихъ; они ждали того времени, когда Христосъ придетъ на землю побѣдителемъ зла и покорить себѣ весь міръ. До пришествія Христа, Его послѣдователи считали своимъ долгомъ быть терпѣливыми и подчиняться существующимъ властямъ.

Но когда приняли христіанство правители государствъ, тогда явились церкви совершенно другого характера, въ видѣ сильныхъ корпорацій, защищаемыхъ правительствомъ и дѣйствовавшихъ согласно его постановленіямъ. Первоначальный взглядъ, по которому христіане были въ мірѣ, но не принадлежали ему (*were in world but not of it*), не былъ устраненъ, но нѣсколько видоизмѣненъ тѣмъ фактомъ, что христіанство дѣлалось племенною, національною, политическою религіей, предпри-

сываемой закономъ подданнымъ всякаго христіанскаго государства.

Теологія и мораль Библіи, въ томъ видѣ, какъ онѣ истолковывались различными церквами, вошли въ комбинацію съ тѣми социальными силами, которыя работали въ римской имперіи. Эта теологія и мораль имѣли большое вліяніе на очищеніе древнихъ родовыхъ обычаевъ, и когда начало образовываться національное правительство, они доставили ему важный элементъ порядка и единенія. Они придали новый видъ самой римской имперіи. Священная римская имперія, олицетворявшаяся въ папѣ и императорѣ, была символомъ единства христіанской цивилизаціи. Гдѣ бы миссіонеры, распространявшіе вѣру, ни селились, они вездѣ приносили съ собою нѣкоторый запасъ знаній, промышленности и искусства.

Католическая церковь сдѣлала одно важное прибавленіе къ политическому взгляду, поставивъ власть на теологическую почву. Богословы постоянно учили, что человѣкъ—гнусное эгоистическое существо, которое требуетъ какъ законовъ, такъ и молитвъ для того, чтобы стать на истинный путь. Собственно говоря, это ученіе вѣрно изображаетъ факты человѣческой природы; но тогдашніе богословы налагали черезчуръ мрачныя краски. Они не довольствовались утвержденіемъ, что человѣкъ грѣховенъ; они учили, что всякое естественное побужденіе человѣка извращено, т.-е. отвращено отъ того, что есть добро, и что человѣкъ можетъ сдѣлаться добрымъ только побѣдивъ свои стремленія и отрицая то, во что заставляетъ его вѣрить разумъ. Съ другой стороны, они не довольствовались указаніемъ на то, что власть есть необходимый элементъ воспитанія и управленія. Они требовали безпрекословнаго повиновенія существующему авторитету церкви и государства. Они учили, что папы и короли имѣли право божественнаго происхожденія, идти противъ котораго грѣшно, и даже грѣшно относиться къ нему критически.

Средневѣковое христіанство создало нѣсколько типовъ высокихъ характеровъ и показало—чего не въ состояніи была сдѣлать греческая философія—какъ бы можно было рѣшить социальные вопросы древняго міра. Но, вообще говоря, христіанскіе учителя не разматривали постоянно общество съ этической точки зрѣнія. Они были строги къ другимъ и недостаточно строги къ себѣ. Они болѣе думали о чистой вѣрѣ, чѣмъ о добродѣтели. Они называли себя пастырями народа, а народъ былъ раз-